

К архитектуре пространства. Очерк теории. Часть 2

Спектор Давид Михайлович

кандидат архитектуры

доцент, Московский архитектурно-строительный институт

109451, Россия, г. Москва, ул. 3-я Кабельная, 1

✉ daspektor@mail.ru

[Статья из рубрики "Философия урбанистики"](#)

Аннотация.

Вторая часть исследования продолжает ранее намеченную реконструкцию пространства в его связи с реальностью. Ранее эксплицированная связь пространства-времени с игрой продолжает рассматриваться в своем генезисе — который дополняется теперь аналитикой взаимного развития игрового и реального пространства. Их непосредственному сопоставлению предшествует анализ категории «реального», в процессе которого таковое раскрывается в качестве феномена Нового времени и ставится в связь с ее обуславливающими категориями: тела и процесса. Таковые рассмотрены на фоне усиливающегося на протяжении последних столетий сращения идеологии, политики и экономики; в конечном счете «реальность» раскрывается как пространство их игры, и, в ходе такого раскрытия, эксплицируются основные его категории — реальное пространство и пространство реального (в их диалектике). Соответственно, метод исследования заключается в историко-логической реконструкции понятий «реальности» и пространства, в их связи и (диалектическом) различии; генезис способа пространственного установления приведен в связь с «обусловленностью-реалистичным» (восприятием-действием). Научная новизна исследования заключается в разработке понятия «шва», расшивающего/сшивающего «границы» реальности; показывается, что архитектура исходит из необходимости экзогенного вмещения «природы человека»; при этом ее структура (категории пространства/времени) родственны с игрой и ею обусловлены; далее, по мере становления реализма, пространство/время игры (архаики) и реальности расходятся вплоть до полной зеркальности; реальное пространство уступает место пространству реальности, тотальный символизм уступает место сигнификации.

Ключевые слова: Архитектура, реальное пространство, пространство реальности, игра, ритуал, бытие-к-смерти, шов, генезис, реализм, археология реального

DOI:

10.7256/2310-8673.2018.1.22971

Дата направления в редакцию:

10-05-2017

Дата рецензирования:

11-05-2017

«Война (Πόλεμος) — отец всех, царь всех:
одних она объявляет богами, других — людьми,
одних творит рабами, других — свободными».

Гераклит

Введение. Игры патриотов. Фрагмент продолжает идеи первой части, среди которых важнейшей представляется утверждение природы человека в экстатическом обыгрывании смерти, краткие наброски диалектики (игры) «начал»: начала истории знаменует исключение-смерти в ее приятии-прохождении-сквозь-смерть и поправлении-смерти-смертью; «диалектика» в такой связи трактуется не в презумпции «всеобщей логики», но в обращении-к-источнику — бытию-игре-смерти и игре-бытия, осознанности-бытия как Bewusstsein (Bewusste sein) в его сбывании-в-природе-игры (исключительно в рамках которой становятся возможны как сознание (рациональность), так и его (всеобщие) предпосылки, универсальные пространство-время — и, в конечном счете, рафинированные формы рефлексии). Сказанное раскрывает антагонизм бытия-к-смерти; бытие диалектически утверждается в жизни вопреки смерти и в ее поправлении и, вместе с тем, ее-приятии (жертвоприношение, инициации, «игры обмена», и, далее, холодные обрядовые практики — все это формы «игры со смертью»).

Данное положение, вытекающее из анализа весьма обширного антропологического и этнографического материала, не исчерпывается дескриптивным значением: оно в отношении теоретическом указывает на то, что животные предки человека, представлявшие обычных по сути обособленных особей, обретали черты человека, на время входя в особое экстатическое состояние, исключительно в рамках которого подавлялся инстинкт самосохранения и пр. Это состояние (само-исступления, самоотверженности), сохраняясь при помощи ряда орудий и материальных аксессуаров (прежде всего — символических), в течении тысячелетий делало их людьми и развивало в них (укрепляло и стабилизировало) человечность.

Не сознание «осознает» мир, но Homo ludens, в него вовлеченный и распространяющий игру-на-мир, преобразует последний в игровую универсалию, удерживаемую в равновесии и постепенно изменяющую игру, ее вытесняющую на периферию «реальности», возникшей из духа игры и поработившей своих основателей (подчинение рабом господина, Гегель-Батай, часть 1). Игра, возникающая как паллиатив Πόλεμος, по мере глобализации и универсализации (мировой) культуры Πόλεμος *дополняет и подменяет* (поскольку с первых шагов человека по планете выступает основным условием ритуала-жизни; последний по мере утверждения в реальности и как-реальность, формирует (собственную) «логику жизни», в которой «игра» уже оттесняется на второй план, уступая место (новому) «реализму»).

В само-забвении (самоотверженности, само-исступленности) пафоса человек смиряется со смертью, принимает ее, ускользая в иное (родовое) измерение бытия; собственно приятие-ускользание многомерно (в первой части выделено три измерения-уклонения), но основание вне зависимости от последующих дифференциаций предстает в наготе неизбежной утраты в-ускользании, поскольку телесная «пролонгация» жизни не устраняет шока пере-рождения, родовой травмы смерти-перехода, позволяющих

обыграть-смерть (принеся «всего-себя» ей-в жертву, в жертву-роду, став инструментом преобразования-в-род; «родового бытия» вообще, в-роде идеи, не существует; подобно «идее», «знанию», «достоинству» и пр., оно нуждается в существовании специфических культурных орудий и опор так же как пространство и время и в образе рода, на-рода, при-роды и пр.; ближайшим выражением-проекцией обмена-смерти служит обмен-дарами (дары смерти, символическое замещение бытующего некогда обмена заложниками) в архаических сообществах; что касается «слоев» ускользания, они напрямую связаны с ὁρχή-текстурой архетипической адресацией: первый (θῆμρος, páthos, ὁρετή) свое «проекцией» имеет τέμενος (как свое-иное данного рода-бытия); второй (Πόλεμος) наполняет «внешнее» (матрица расселения), наконец, Πῦν (в множестве игровых форм) обуславливает их опосредование (в интересующем нас отношении локализуясь в поселении-граде, и их связующей — сети (проселке)); этимология косвенно накрывает родство войны и полемики с проживанием в близости Πόλεμος с матерью-основательницей-полиса — Полиадой (Πολιάς = «Городская» или «Градоправительница») — эпитет богини Афины).

Бытие-к-смерти изначально заключено в пределы Πόλεμος и θῆμρος; игра- Πῦν берется в фигуре всеобщего-опосредования жизни-смерти — в том числе в отнесении к простору, их (τέμενος и Πόλεμος) разделяющему; простор вбирает пределы, их опосредуя игрой (в том же зиянии-промежутка), обращая беспредельность-предела (смерть) в форму-жизни (символ и его производные).

В просторе-промежутка заключена отсрочка-смерти (время) и ее отодвигание-к-краю, символическая-подмена (пространство); беспредельная-экзальтация (бездна) извращена уже-умеренной-жаждой — азарта, представляющей стержень (стрежень) жизненного-потока. В форме-игры смерть- Πόλεμος и бытие- θῆμρος входят в нейтральные токи жизни, преображая их (очеловечивая) и оживляя (подменяя и разжигая естественные влечения).

Ното ludens предстает в такой связи *человеком играющим* (прежде всего) *со смертью*. Все дальнейшие эякуляции его культуры (культуры «бессмертия») выступают с проводимой точки зрения итогом приспособления к этой игре и ее приспособления к человеку (весьма примитивным, но вместе с тем не совсем ложным абрисом такового предстает «смягчение» игры, последовательное вытеснение из нее прямых аллюзий смерти, с одной стороны, вместе с тем и последовательное распространение игры «вовне», в окружение, и конституирование ею реальности вплоть до их полного слияния/поглощения; «человек играющий» становится существом, играющим в-человека (роль-человека), игра — его-очеловечивающим-орудием; впрочем, противопоставление «игры и человека» обладает преимущественно эвристической ценностью (напоминая априори субъекта-объекта); «человек играющий» не есть человек, от времени до времени играющий; он человек, поскольку вступил в игру бытия (онтология), и он человек, поскольку все его человеческие черты представлены игровыми комплексами, в которых его человечность обрела внешние опоры и растворена в исторически-обретенных и ре-транслируемых комплексах-игр-уподобления «священной» (смертельной) игре («науки о человеке»), в различной степени «реалистичных» (во всякой реальности присутствует некая толика реалистичности (необратимости); *абсолютно реальна лишь смерть*); война выступает концентрированным выражением-прообразом *диалектически-антагонистического* мира — не мира — предпосылки, наделяемой чертами дуализма, но мира — следствия утверждения в реальности трансцендентальной амбивалентности (энергийности) Πόλεμος, bellum frigidum; мир, отрицая прямое (кровавое) столкновение, сконструирован по его подобию и основан

паллиативными формами (предметно-игрового) противостояния-обращения).

Игра обоснована естеством человека (естественна); «начала истории» укоренены в ее-природе — вместе с тем изначально вмеща (игровые) фигуры-правила-установки; по мере «взросления» игра притирается к окружению: игрушки «выходят из под контроля», обретая самостоятельность, становятся «орудиями» и «орудийными комплексами», подчиняя своих владельцев «логике предмета» (игра утрачивает естественность, обретая реализм).

Но, вне зависимости от последующего декаданса, природа человека обусловлена этим его основным на-значением; homo moritura смещает центр умирания, перенося его с «конца» на «начало» (жизни), в какой связи последняя и обретает человеческое-измерение (бытия-к-смерти не в бытии-к-концу (при всех оговорках М. Хайдеггера), но в бытии-пере-рождения, перехода от «себя» в фиксации-фикции к самому-переходу (обращению) как форме-жизни — в игре-смерти, тлении отказа-от-такого-себя (в колоратуре другого); «время» намечается в такой связи в кругу пред-заданной индивиду фигуры-его-обращения (в человека); «перенос» (смерти в пространство жизни) возможен в подмене-метаморфозе смерти-игрой; смерть-как-прорыв и перерыв вторгается в жизнь (устроенность) в форме «момента», разделяющего мир на устойчивые позиции/пространственные конфигурации; моментальные фигурные купюры, фиксированные «в пространстве», пере-ходят в свое-иное).

Последовательное прослеживание подобного исхода меняет ряд устоявшихся образов и привычных представлений, причем к числу первых принадлежит реальность, обретенная в игре, в разыгрывании партии, ее ходов, фигур, правил, в их схождении, фигуре-установке, априори предваряющей реальное связыванием пространства-времени игрой-форм (их транс-формацией) и ее рамкой (полем «притирки» фигур-тел, движущих импульсов, занимаемых мест, «позиций», форм переходов и пр.). Естественный холизм игрового действия (впрочем, не раскрытый в единстве «жизненного пространства», но, напротив, раздробленный на ряд качественно-различных игровых «монад»), сменяется исторически-становящимся внешним единообразием, обусловленным прежде всего политически, и внутренней дифференциацией прагматического свойства (многообразием дел, заключающим свойства предметов, логику их обработки и пр., в социальные формы кооперации).

Вопрос о месте и роли игры в составе реальности должен, таким образом, сменить знак, преобразовавшись в вопрос о реальности как специфичной игре (так же пространство-время реальности следует выводить из пространства-времени игры/игры пространства-времени; в такой уже связи подручное в линии подобного генезиса выстраивается не столько в линейку подсобного-механистичного, ориентированного будущими-технологиями в логике Маркса-Хоркхаймера, сколько в линии нечеловеческого-в-людях, становления игровых комплексов, равно вовлекающих людей и нелюдей, пространство и время (в смутно, правда, очерченных прозрениях Латура, [\[1, 2\]](#)); пространство-время обретает черты *посредников* меж людьми и вещами, инструментами и инструментальными комплексами, преобразующих отношения людей помимо их воли, мотивации и сознания, точнее, прежде всего в форме таковых и в их обыгрывании).

Для дальнейшего важна еще одна констатация, не слишком новаторская, но, подобно многому иному из рассматриваемого, редко должным образом оцениваемая: человек, каким мы привыкли его воспринимать и видеть (существо «сознательное» и пр.), в итоге усилий, занявших тысячелетия, создал (и эксплицировал) огромное число инструментов «внешнего управления» («делающих его человеком») с тем, чтобы принять их в качестве

эндогенных (лучше всего раскрыто у Л. С. Выготского); собственно, эта инструментальная совокупность при- и усвоенного предстает его со-знанием. Но это означает, что «вначале» очеловечивание носит целиком внешний характер; лишь в комплексе со-зданий человеческая особь обретает -себя (включая «свое — тело», изначально при-обретаемое в качестве «символа-рода» и «орудия орудий», вовлеченного во взаимодействия в рамках заданной и предпосланной ему игры — комплекса правил, фигур, ходов-переходов, критериев выигрыша/проигрыша, роли-социального статуса, «силу рода» воплощающего эрегированного фаллоса и пр.).

Величайшим заблуждением в свете сказанного выступает ортодоксальная установка, в свете которой человек с первых шагов предстает уже-человеком (*homo sapiens*), не-все-еще-знающим (обремененным фикциями).

В человеке нет ничего (врожденно-) человеческого; все, что под таковым понимается, суть совокупность исторически созданных условий, принуждающих животную особь к для нее неестественному во-одушевлению (одухотворению); последнее не наследуется, не дано и не «присуще» человеку, но транслируется, прежде всего запечатлеваясь в среде жизни (в том числе в игре как основании онтогенеза, в комплексе игровых средств и среде игр).

Геомантика классификаций (пространств-измерений) вступает в такой связи в тесные отношения с обусловленностью взгляда-позиции; и последние в статусе непосредственности исконного не имеют статуса абстрактной идеи и обзаваются представительством (на земле и в/на небе — привилегированная позиция «наместника», метрически предопределенная югом или севером, направлением взгляда и пр.; «архитектура» рождена в немалой степени данной «оптикой» и выступает ее обеспечивающим инструментом; вообще храм и его уподобления предшествуют (астральным) оптическим инструментам, направляющим видение (каковое в этих условиях с течением тысячелетий приобретает человеческие черты); «новшество» и в этом случае заключается прежде всего в том, чтобы отнестись к этому *серьезно*, не принимая адорантов за «обладающих (обычным, человеческим) зрением», но отуманенных (разумеется иллюзорными) «мистическими предрассудками»; следует уяснить, что дивинация (которую также нельзя сводить к идее, иллюзии, иначе, к «происходящему в мозгах» произвольному акту), заключая совокупность поз, позиций и (материализованных) пропозиций, выступала некогда абсолютно необходимым условием (человеческого) видения, удерживающим взгляд на высоте человеческого («сакрального») восприятия; это, впрочем, относится ко всем далее рассматриваемым «реалиям» (включая пространство-время): ни одна из них не представляет «иллюзорную добавку» к человечности, в совместимости эндогенного и экзогенного (причем последнее «на заре истории» абсолютно доминирует) наделяя особь-индивида «условиями возможности» его очеловечивания — человеческого действия (демонического со-действия)). «Таковы основы перспективизма. Последний не означает зависимости точки зрения от предварительно определенного субъекта: наоборот, субъектом становится тот, кто в точку зрения попадает, или, скорее, тот, кто в точке зрения пребывает». [\[3, с. 34\]](#); речь идет о Барокко; но к «началам» эта позиция относится еще более настоятельно; «субъект» не есть человек, помещенный в «фокус» перспективы, но спецификация диспозиции-места, или *genius loci*.

А вот что говорит относительно «оптики» храма Хайдеггер: «...храм впервые придает вещам их вид, а людям впервые дарует взгляд на самих себя». [\[4, с. 141\]](#).

Мы не намерены входить в детали многообразных специфик генезиса представлений о

пространстве и общую тематику «пространственной ориентации» (*неизбежно* отсылающей при обращении к архаическим началам к общим вопросам генезиса культуры), при попытке их всестороннего охвата поглощающих всю жизнь исследователя (отсылаем в такой связи к фундаментальному труду Подосинова ([\[5\]](#)), включающему также обширную библиографию, впрочем, несколько устаревшую). Следует уяснить, что аналогия реальности с устроением-сцены (авансцена, задник, кулисы и пр.) достаточно глубока; вопрос в том, чем отличается сцена солидного театра вселенской реальности от подмостков бродячего вертепа.

Мир-совокупность игровых конфигураций и мир-игра конфигурациями совокупности в такой связи предстает основным предметом дальнейшего анализа. В поле его зрения нет ни универсалий, ни идей, но конгломераты фигур, полей и правил в их сочетании и отнесении к единству (игрового) вовлечения (модуляции позиции: про-, экс-, дис-, пре- и пр., в синтагме (пере-ходе) и парадигме (позиции-единство поля и строя-фигур, (на- и у-) строения)).

Путеводная нить изучения скользит вдоль реальности-прототипа, в которых игра-в-мир ведет и направляет его строителей, не помышляющих о перлах мудрости или приумножении знаний, но подобно Конфуцию и иным мудрецам древности, всего более поглощенных игрой и озабоченных соблюдением ее канонов (Из «Ши цзин»: «Когда у человека нет ритуала, он подобен крысе... если у человека нет ритуала, лучше ему скорей умереть (как же ему умереть без ритуала?)!» [\[6, с. 101\]](#)). С этого и начнем.

Рождение реальности: пространство и время

«вся культура может быть истолкована
как деятельность организации пространства»

П. Флоренский, Иконостас

Приступая к изложению материалов раздела, подчеркнем основную, лежащую на виду и на удивление редко акцентируемую *проблему* : реальность — это, вообще говоря, все то, что нас окружает: земля и небо, страсти и стихии, человек и общество... Пока и поскольку время и пространство выступают условиями ее представления (в ней-действия), они также должны такое «все» поместить; поскольку подобная всеохватность *ирреальна* , реальность, сугубо предварительно отделенная от иного (вместилища), дана в наиболее-существенном, ее «представляющем» (общественном бытии, вот-бытии, экзистенции, пр.). Фактически речь при этом идет не о реальности (соответственно, пространстве-времени), но об определенной *деятельности* («заботе», «производстве» и пр.), к каковой (в конечном счете) сводятся (все-) прочие (марксистский «базис»).

Не лучше обстоят дела с упомянутыми (всеобщими) условиями (восприятия-действия). Отвлекаясь от специфики всего-реального, в них также следует выделить нечто-особенное, в специфике реализации обуславливающее реалистичность (материю, отчетливость...). Иначе время и пространство в их гипотетическом универсализме предстанут предельными и ни к чему определенному отношения не имеющими (пустыми) абстракциями (что, собственно, и происходит — не в «реальности», разумеется, но в системах ее интерпретаций; пространство — это пустота и «вместилище» (вещей), от Аристотеля до Гегеля).

Для того, чтобы перейти к (пространству-времени) *реальности* , необходимо за нее как-то «зацепиться», отличив ее (в ее специфической определенности) от с ней

сопоставимого и в то же время иного (сна или архаического («не-расколдованного») «мира»). Предваряющим указанием служит в данном отношении «реализм» (реалистичность), связывающий человека и реальность определенными установками, способами действий и взаимодействий (реальный мир в отличие от бытия, мира и пр.; мир созданный, «сделанный» и определенным образом удерживаемый — в пространстве и времени, в системах расселения, районной планировке, в устройстве-строений и пр. материальных воплощениях и идеальных моделях; с тем, чтобы вместить в него «все», необходимо либо снабдить его необъятным контейнером «прочего» (в образе потустороннего и иных форм иного-мира), либо существенно ограничить все, изъяв из него все «не-присутствие-размерное» — что в общем и происходит).

Подчиняясь актуальной инерции, мы должны были бы приступить к анализу времени-пространства в промежутке между Кантом и Гегелем, с их геометрией и рациональностью; вместе с тем «археология знания», в самом общем виде затронутая работами М. Фуко, см. [\[7, 8\]](#), понуждает указать на их связь с праϋματικὸ (процедурами) расследования-исследования, заключения (под стражу)-(умо-) заключения, о-суждения-суждения, (судебного-природного) процесса, свидетельства и о-свидетельствования, по мере генезиса которых и складывались современные естественно-рациональные трактовки (пространственно-временного) «фасада», априори которого созданы разделением инстанции- *justitia* (суда-настоящего — прототипа суда-истории), расследующего заключенное в скобки «инцидента» (изолированное в камере) безусловно-прошрое, безусловное постольку, поскольку безусловно-лишено властью власти -возможности влияния-воздействия на настоящее, через него на состоявшееся, свидетелей и пр.; лишь в этих рамках возникают и утверждаются параметры рациональности-временного; и только в свете такой реконструкции становится зримой общность власти и пространства-времени, причем по мере установления их общей укорененности в организации городской ткани, и революционных инноваций, обоснованных «новейшим антропоцентризмом» с его «складками, полями, фракталами, лабиринтами» и прочими (гетерогенными, «дрожащими») инфлексиями, утрачивающими всякую связь с порядками и планом градостроительства, с анонимностью «дисперсной власти», диспозицией площадей и тюрем, монументов и залов собраний, регулирующих «время» пространственной органикой. Начиная с Нового времени процедурные вопросы, обоснованность-расследования выходит на первый план, основываясь на юридической матрице, укорененной в «научной методологии»; политическое обоснование подобных процедур отступает на *second place*, скрываясь за занавесом «права»; в безличной по форме процедуре субъективный момент фиксации того или иного в качестве инцидента (с последующей изоляцией), открытие полей прецедентов, отбор свидетельств и пр., именно и обуславливающих оценку данного события (истории), утверждая *subjectum* (под-лежащее) на роль исчерпанного/(вечно-) живого, элиминированы (философия слишком долго занималась метафизикой прошлого и будущего, и их проникновением в настоящее; пора рассмотреть это «проникновение» со стороны его практического, политического регулирования, опираясь на основополагающую симуляцию современности — пространственно-временной континуум, якобы основанный «природным устройством», фактически же сформировавший привычные его и ныне незыблемые дислокации: прошлое, настоящее, будущее; данные реалии возникли и утверждены человеком и предопределены институтами и субъектами учреждения; следует заметить, что последовательность переориентации власти на «вменяемость» («адекватность-реальности») в связи с развитием практик изоляции тел и маргинализации экстатического, также изучены из рук вон плохо и также представлена в основном работами М. Фуко ([\[9\]](#)), к которым можно добавить труды Дж. Агамбена ([\[10, 11\]](#))).

Власть нечто «отливает в граните», иное предает (забвению); власть не располагается в центре временного потока, но располагает историей (*Gloria victoribus*; они пишут историю).

Нас прежде всего интересует «складка», отделившая ветхую историю войн, династий и империй от добропорядочной истории денег, капитала, респектабельной обустроенности, ее добродетельных привычек и простительных слабостей — ведь именно эти последние наряду с промышленностью, финансовым капиталом и прочими заурядными обстоятельствами быта и жизни формируют лицо новой реальности — помимо которой никакая иная не дана нам ни в ощущениях, ни в свидетельствах истории, не нашедшей лучших сюжетов, нежели войны, и подвиги, и эпические забавы (с точки же зрения добродетельного буржуа все это — ничто иное, нежели история поножовщины подростковых преступных банд).

Прежняя (мирная) реальность восстает и подминает под себя бытийные бездны; вместе с тем, если к ней присмотреться, «восстание повседневности» довольно серьезно изменяет ее прежний невинный абрис; внешняя организация промышленности, дисциплинированность и непомерная напряженность труда (усиливающаяся эксплуатация) порождают определенные ассоциации; «капитализм» основан не только новыми средствами и способами производства; это *полувойенная* мобилизация, исходно ориентированная внешними рынками сбыта (по мере взросления не только рекрутирующая рабов на периферии, но и завозящая их на территорию западного сообщества). История постмодерна — история победившего общества, все более и более вытесняющего реальное на периферию (третий мир), в своих пределах воссоздающего бытие игры-имитации (иммиграции).

С первым рождением денежного обращения и экспотенциального капитала возникают живые предпосылки невиданной глобализации, заключенные в «универсализме рынков» и свободе обмена, превращении материальной оболочки любого товара в безличную цифирь, в «стоимость», подчиняющую себе обращение и его субъектов, а вместе с ними их чаяния, их веру, их будущее и вместе со всем этим — их историю («стоимость» и представляет систему измерений, но и субстанцию любого товара, как последний — универсальную субстанцию всякой без разбора вещи (которая в конечном счете сводится к потребительной стоимости); но и пространство представляет аналогичную систему измерений, в рамках которой «место» обретает геометрическое и в конечном счете контейнерное выражение; рассматривая себя в качестве могильщика капитализма, Маркс предстал его величайшим апологетом, историю человечества подчинившим становлению товарного обмена).

Если последний нищий средневековья трепетал перед потерей души или ее запродажей дьяволу, пролетарий новой эпохи вдруг с удивлением выясняет, что именно душе его вовсе отказано в праве на существование; мало того, что она никого не интересует, но наука еще и доказывает ему отсутствие ей соответствующей «реалии»; ее сверхкомпетентное мнение тут же подтверждает промышленность, оплачивающая исключительно нужды и потребности его тела (хотя осторожное государство еще достаточно длительное время поддерживает тление «необходимой иллюзии»). Приметы наступления новой картины мира в общем известны.

Эпоха героического подвига внезапно сменяется эпохой расчета и накопления (см. не слишком глубокий, но достаточно характерный в этом отношении труд «Рыцарь и буржуа», [\[121\]](#)). Но это новое накопление отнюдь не наследует прежнему ростовщичеству и торговле: это авантюрный дух, разыгрывающий драму истории в декорациях расчета,

преодолеваемой дистанции, оперативного управления, фиктивного (спекулятивного) капитала и пр.; и все же все упомянутое — закулисье, интимное пространство движения нового духа; наряду с тем в его игры погруженная масса проникается его идеями и заряжается его харизмой, утрачивая в значительной мере интерес к прежде-реальному (царству Христа, «спасению души») и вдруг вываливается в вещизм посястороннего, имущественного отношения и права, накопления земных богатств, отрываясь от общественного тела в автономных лоскутках собственности и функционируя в пространстве тел, процессов и технологий — в котором внешняя общность обладания-вещью подавляет и подчиняет прежнюю (интимную) общность духа («восстание масс»). Этот скачок со стороны феноменологии в общем фиксирует выдвигание на передний план ряда жизненных сфер, прежде воспринимаемых априори в качестве второстепенных, но внезапно обретших респектабельность, помещаемых ныне в фокус научного интереса (число работ, в последнее время посвященных повседневной жизни различных «эпох и народов», столь велико, что бессмысленно на них ссылаться; все это т. н. Alltagsgeschichte [\[13, 14, 15\]](#)). Демарш обыденности возглавила торговля; однако в раскрытые ею двери просачиваются все прочие детали, в кругу которых почетное место занимают, понятно, подробности интимной жизни; но подлинная революция заключается во внезапном падении занавеси героического, судьбы царствующих династий, истории войны и мира, раскрывающей пути проведения; все это заменяется пенистой субстанцией, склеиваемой из тысячи мелочей: привычек, нравов, им сопутствующих нюансов стыда и раскаяния, достоинства и покаяния, исповеди и совести, с которыми сочетаются веяния моды, пути распространения слухов и сплетен, формы шляп и гастрономические предпочтения и пр.; из этого необозримого вороха и складывается теперь реальность, в недрах которой история «вызревает», микроскопическими дозами изливаясь и просачиваясь в поры базальной породы (да и сама история также элиминирована и заменена букетом «историй»: дьявола, девственности, страстей, отхожих мест, дуэлей; кажется, кредо такого жизнеописания заключено в словах Моржа: «Пришло время потолковать о многих вещах; о башмаках, о кораблях, о сургучных печатях, о капусте и о королях. Но, несмотря на такую большую программу, рассказ Моржа оказался очень коротким – скоро слушатели все до одного были съедены»). История не только многогранна, но прежде всего необъятна; если ветхий историк осмеливался подступиться к ней с единым аршином, на пути сегодняшних дерзновений встают редуты научности и заслон (заведомо недостижимой) системности (и ее компенсирующей произвольной специализации).

«Корабль истории», гонимый ветром страсти, распался, столкнувшись с рифом прозы-реального; его пестрое содержимое, пряности, атлас, распятия и иные снасти, смешались в общей массе и с любопытством сортируются сухопутными потомками, прочно утратившими память о диком ветре, режущем паруса, и логически комбинирующими останки.

Разумеется, «реальность» не возникает по хлопку de (ex) nihilo, вызревая в недрах и порах предшествующего; вместе с тем постепенность ее созревания не следует чрезмерно гипостазировать; этот длительный процесс завершается стремительным метаморфозом, или внезапным скачком, полностью сменившим декорации, утвердившим новые блага на месте прежних ценностей; между этими крайностями (постепенного созревания и взрыва) нужно наметить некую медианную линию, следуя в первом случае логике Маркса, историю в целом поместившего в свет генеза капитала, во втором — аналитикам, в «смене вех» усмотревшим существо нового (Нового) времени (с М. Вебера). Феномен выражен метаморфозом перехода жизненной общности в отчужденный конгломерат (Gemeinschaft/Gesellschaft), совокупность атомарных индивидов,

погруженных в «логику тел» и (технологических) процессов, машин и механизмов, направляемых довлеющей над ними логикой капитала (отчуждением); вместе с тем генезис реальности неразрывно связан со становлением собственности/имущественных отношений (несколько поспешно заключенных Марксом в абрис «прибавочного продукта»; предмет, в отношении истоков/мотивов вплоть до настоящего времени изученный довольно плохо, и в основном представляющий в свете дихотомии «быть и иметь» ([\[16, 17\]](#)); в этой связи представляет интерес, например, работа Бибикина ([\[18\]](#)).

Однако подобный генез необходимо извлечь из исключительной ниши экономического отношения; это, возможно, краеугольный камень со-здания (новой) реальности; очевидно, «модус имения» не случайно рассматривается в качестве кредо новой эпохи, заместившего и вытеснившего ветхое «бытие» (претворившим его в место-имение (Я) как имение-тела). Тело выдвигается в новой конструкции-реальности на первые роли; в силу его перенасыщенности идеологией это многоплановое, амбивалентное, разорванное явление, воплотившее дробное уложение новой эпохи; его маскирующая бездна привлекательность заключена в осязаемой доступности, данности всем и каждому; тело — символ и воплощение материализма эпохи; и когда и поскольку за ним вскрываются перспективы иррационального, взрывая традиции и спокойствие привычки, этот метаморфоз повергает обывателя в шок, будируя и развлекая.

«Тело» уже было осторожно упомянуто ранее в качестве ключа к власти-реального. Но дальнейшему продвижению и здесь мешает многообразие проделанных изысканий, и, также, близость-тела, препятствующая дистанцированному восприятию. «Тело», не вдаваясь в его онтологию, вменяется индивиду в качестве его-самого и залога-присутствия; но, поскольку оно «у него есть», оно исходно — не он; человек «владеет телом», и отличается от него как собственник, его присваивающий, по мере истончения субстанции и источника (Я) все более отождествляясь с самим «правом» (владения; опускаем длительный предшествующий путь истории о-владения телом-другого и другим-как-телом, распадающийся на историю рабства и историю сексуальных отношений; следует вновь упомянуть Фуко ([\[19, 20, 21\]](#))).

Остановимся на этом моменте чрезвычайно кратко: «тело» уникально уже не как-тело, но как мое-; как таковое оно механистично и сведено к ряду (типизированных) процессов физиологии; обладание, ранее выступающее чертою преходящего, выдвигается на передний план, заслоняя и представляя бытие. Тело *утверждает* парадокс существования: оно — как мое — единственное («Единственный и его собственность» М. Штирнера); но оно уникально *лишь- как-мое* (уникально не тело, но мое отношение-к-нему, *владение*); во всех остальных смыслах оно обычно (как обычны все вещи мира копий и симулякров), как обычно и не-мое в сущности сознание, сформированное совокупной информацией справочных знаний, мною (лишь) используемых и применяемых (более или менее оригинально-конвертируемых).

Уникальность, подмененная «собственностью», в социальной среде функционирует как эрзац- (мода, гламур, эксцентрика, пр.) жизни; последняя уникальна, но исключительно как моя-собственность, в сущности же она лишь моя-коллекция, мой-выбор из универсального магазина вещей, навыков, знаний, образов. «Жизнь» утрачивает характер соприкосновения-с-запредельным и им — пред-определенным (в наследуемой роли); но в такой связи и смерть обретает *имманентный облик* , ассоциируясь с не-имущими, и их (извечными) спутниками: бедностью, болезнью и бездомностью (разорение все чаще ведет к самоубийству). Смерть в ее современной интерпретации — относительно новое понятие; на протяжении тысячелетий человечество рассматривало

ее в качестве ужасающей, но все же не-неизбежной гостии, во всех случаях исходящей из враждебного намерения и по сути случайной; лишь наука цепко и намертво скрепляет смерть и тело, рождая перспективу *неизбежной* -смерти, одну из самых ужасающих в истории.

Смерть по прежнему страшна, но иначе, чем прежде: она теперь неизбежна, и никакие трансформации-переходы не могут к ней подготовить (ее избежать); она вполне представима и целиком воплощена нищетой; в силу того знакомому пролетарию, которому нечего терять, не слишком обременительны разнообразные риски, в том числе военно-полицейской службы — он, в сущности, уже приравнен к мертвецу (ничем-не-распоряжающемуся), в какой связи «свободен в выборе» (вертухая в лагере-смерти).

«Ужас» как экзистенциальная черта «пребывания» распадается на неизбывный-ужас-бытия-к-смерти (Хайдеггер) и его тень: обреченность-смерти-при-жизни, необходимость из-нее-выползания любыми-путями (новая подоплека идеологии люмпена/зоны).

С другой стороны, поскольку смерти невозможно избежать, никакие сверх-задачи не могут быть оправданы чем-то сверх-реальным, попросту не-реалистичны; жизнь исчерпана совокупностью благ, которые удалось извлечь в процессе ее-проживания, причем выбор не (может-быть) совершенен, но только оптимален («оптимизирован»; см. Хайдеггер о цинизме и нигилизме, [\[22\]](#)).

Тело в непосредственном сращении с бытием (гарантия-сохранения-воплощенного-в-перерождении), преобразаясь в тело-механизм (и полое-тело), параллельно с усилением его локализации (собственности-Я), диссоциирует как абстрактно-символическое выражение не-телесного (плотского); в анатомии: рот, язык, глаза, желудок, фаллос — в связи с анатомо-физиологическим прототипом, и в физиологии, в ирреальности поглощающего-зева, взгляда, жажды и прочих трансформаций, разыгрывающих (шизофренические) игры в «разрывах и складках» разума и его мистифицированной тени, вобравшей «подсознательное» . Особенно примечательно в формировании подобного разрыва роль пениса в пульсациях-превращений и индикации связи-с-единством-рода (но все это перенаправлено психоанализом на боковые тропы). «Функции» («речи», «взгляда», «мимики», «жеста») изначально «отрываются» от их носителей (тел) с тем, чтобы а) обрести самостоятельное бытие (воплотить бытие — само-бытность), б) противостоять телам в качестве инструментов воплощения в них подлинного-бытия и бытия-подлинного («само-стояние» функций имеет непосредственное отношение к их (в том числе архитектурно-пространственному) «выражению» — фикции: символической, знаковой, аллегорической; голос и мотив/мотивация; взгляд и композиция; жест и передача-драматургия; потерянное тело - «ветوشка» Достоевского). Не останавливаясь на этом более подробно, отметим тотальный характер шизофрении как симптома времени: усиливающееся противоречие между идеологией атомарного тела, легендарно-единого, вдобавок целиком из «центра» (мозга) рационально-контролируемого (сжатого, впесованного в разум), и своего рода социальной практикой плоти, распределенной по «тысяче плато», слабо-упорядоченных и «изнутри» (голоса, желания, взгляда), и «снаружи» (в местах их перетекания/протекания); пространство-резонанса (ризомы) напитывается мистикой «не-произвольно-телесного», с его разбрызгиванием, размазыванием-переливом, импульсным и аффективным «впечатыванием» и коллажем-нагромождением (пост-модерн в архитектуре, см. [\[23\]](#)).

Завершая (развивая) объемную традицию апологии тела, Шмитц отмечает, что «в этой парадигме потерянным из вида оказывается тело с его довольно специфической

динамикой, ритмами телесных движений и волнений, принципами участия в разнообразных формах целостного восприятия ситуаций – различных способов переживания, которые не могут быть адекватно сужены до восприятия с помощью органов чувств» [\[24, p. 244\]](#).

Мы еще вернемся к этому комплексу тела-плоти, предварительно отметив чрезмерную его апологетику (сочетаемую с модным ныне, маскируемым мистицизмом); архитектура в ее антропометрии не может игнорировать телесность и пронизана ее аллюзиями; вместе с тем опираться на мистику плоти в реконструкции реальности (пост-модерна) все же не слишком оправдано; сон разума рождает чудовищ, но и плоть вряд ли способна на те роли, которыми ее пытаются наделить. Скорее она напоминает освещенную руку фокусника, на ее действиях именно и концентрирующего внимание почтенной публики (вместе с тем архитектор обязан развлекать зрителя, и ближайшей почвой для того служит двойной ряд ассоциаций корпуса-тела и строения-сети-влечений).

Возвращаясь к предмету (реальности) как фону, на котором распад тела гальванизирует сюжет публичной казни на потребу пресыщенному плембсу, следует заметить:

Предварительные зарисовки призваны наметить контур причудливого искусственного творения; относить ли его к произведению искусства или истории (или, скорее, совместным их усилиям), следует констатировать искусность сделанного, притертость всех его элементов и деталей; именно в согласованности и взаимосвязи следует утвердить основополагающую черту (новой) реальности: все ее части и элементы (впервые) говорят на одном языке, и дело не только и не столько в его семантике, но в открытой возможности выражения всего и вся в терминах и понятиях посюсторонних, прагматических, предназначенных-к-пред-явлению (к товарной «реализации» и, соответственно, потреблению; в таком отношении игра тела/плоти призвана оживить гроба контейнеров-функций, предназначенных на продажу).

Эскизно очерчивая контур предстоящего, следует акцентировать коренную симуляцию реальности современного мира: это реальность «права», изображающего природу, ее законы и основательность, обоснованную течением объективных процессов; за ними скрыта некая сила, обычно ассоциируемая с анонимной (дисперсной) властью; последняя, впрочем, весьма распылена между традиционными политическими институтами и лоббирующими органами-субъектами «игры обменов», наиболее явственное воплощение обретшими в ТНК; подобная сила и обустроивает «настоящее», формируя картины прошлого и будущего. «Европейские ценности» растворяют идеологию в «политической экономике»; однако за гранями западной цивилизации идеология все еще сохраняет традиционную форму религии; «Запад» освящен (либерально-демократическим) реализмом и градуирует монистическую реальность, встав на платформу «единства векторов» идеологии, экономики и политики; традиционные общества свою тоталитарность основывают на чуждости религии, светского управления, торговли; эта «смена вех» достаточно значима для понимания дальнейшего: плюрализм Запада необходим и возможен в условиях тотального «реализма» (со-вместимости идеологии, экономики и политики в пространстве игры-согласований); тоталитаризм обнажает отсутствие подобной платформы («голую власть» насилия/мобилизации, вторжения ирреального/религиозного и пр.). «Запад» впервые создает и обосновывает тотально-рукотворную реальность, связывая и координируя усилия политических, идеологических и экономических институтов; прежние (и им наследующие) традиционные общества продолжают существовать в рамках традиции (общности), которой власть противостоит в-несовместимости, и регулирует (прежде всего

в отношениях с церковью и «верой»; архаический мир вплоть до осени средневековья состоит из разнородных реальностей: «горного и дольного мира» и пр.). Реальная общность падает первой жертвой наступающей (однородной) реальности; с нею удаляются со сцены истории потусторонняя сила, питающая сплоченность в неоднородности реально-ирреального (по-ту-стороннего-идеала); новым кредо реальности служит дело, собирающее людей и нелюдей в предметно-технологические сферы — (институциональные) комплексы (прежде всего — заводов, фабрик, далее — их комплексов и объединений, вертикально или горизонтально интегрированных холдингов, государственных и частных корпораций, специализирующихся на все более узких «моментах» бизнеса (вместе с тем подобные «детали» прорабатывающих, причем речь идет о всех элементах бизнеса — производстве, сбыте, управлении, логистике и пр.), и кооперирующихся в составе объединений различного уровня).

Подчеркнем во избежании недоразумений: дело не в том, что реальность однократно и столь удачно согласована ветвями власти и олигархией; напротив, реальность ежедневно и ежечасно позволяет упомянутым силам делать общее дело, согласовывать усилия в борьбе и противостоянии, в политико-экономической игре, пространство которой и представляется реальностью (различая реальность пространства и пространство реальности; последнее слабо теоретически развито, обнажая не данное чувствам, в отличие от реального пространства). «В отношениях между экономикой и государством происходит *мета-игра*, точнее, *мета-борьба за власть*, в ходе которой меняются и переписываются баланс и правила власти национальной и интернациональной государственной системы. Эту борьбу развязала прежде всего экономика, вырвавшаяся из клетки территориальной, организованной на национально-государственных принципах мета-игры и усвоившая — в сравнении с территориально укорененными государствами — новые стратегии власти. Властная мета-игра означает спор, борьбу за власть и одновременно изменение национально-государственных правил мировой политики. ... Хуже оккупации мультинациональными компаниями может быть только одно — не-оккупация ими». [\[25, с. 89\]](#)

Согласованность политики, идеологии и экономики, фактически являющаяся фоном и причиной тотально-организованного мира, выдается за следствие научно-тракуемой единой и единственной тотальной-реальности (в организационно-действенном аспекте — реализма, следования «логике дела»; однако всякому такому «бизнесу» предшествуют десятилетия или века «вписывания» в систему международного разделения труда, организацию менеджмента, привлечения патентов, технологий, НИОКР и пр.; всякое реальное дело — плод длительного синтезирования технологии обработки вещи, организации работ по ее производству, также как ее маркетинга, финансирования, публичной политики и пр.; «тайм-менеджмент» возник во вполне конкретных условиях оптимизации работ по конвейерной сборке; однако общие его принципы далее выходят из этих узких рамок, органично включаясь в контур проектного сканирования «дела жизни»; «глобализация» обладает экстенсивной и интенсивной мерой).

«Технология» закрепляет все более тонкие (точные) дифференциации отношений; но в нее априори уже включены определенные организационные принципы; технология и форма отношений (организация) вступают в Новое время в процесс интенсивного обращения (эта сторона происходящего и ведет к возрастанию значимости «систем производств», Марксом проецируемому на всю историю человечества). «Производство» выступает новым кредо и эрзацем ветхой «жизни» (бизнес); но его матрицей выступило дело-производство в дробной артикуляции судопроизводства (подмененной-вытесненной семиотикой, семиологией и пр.), в органическом единстве со спонтанностью заполнения

(рыночных) «ниш» (власть языка не прямо проецируется на пространственные структуры, но обуславливает код организации-дел со стороны юрисдикции/учреждений; но, впрочем, "Tu, Caesar, civitatem dare potes hominibus, verbo non potes").

Сказанное акцентирует и иную рамку современности: пространство-время в принятой интерпретации рождены порядками «дознания» (до-знания), обоснованными установлением места-положения тел, временного порядка (последовательности) их — действий (следования ему — как расследования), отождествлением субъекта содеянного с локализуемым телом, с последующим вменением ему мотива и пр. Но описанное (Фуко) расширение обращает эти частные условия расследования во всеобщие условия кода-реальности: на протяжении двух-трех веков последняя заселяется «реальными индивидами» (отождествляемыми с «телами» и местонахождением), действующими в соответствии с т. н. «интересами»; пространство, как и время, априори утрачивают с ними связь и вместе с нею существенность, воспринимаясь в качестве оболочки, позволяющей отследить местонахождение и фиксировать перемещения (общность-действия в связи с его местом также отступает на задний план; первичен субъект и его мотивы — каковы, разумеется, могут генерировать «действие в общих интересах»; но как реконструкция, так и понимание действия основаны трактовкой «субъекта»; реальность исходит из индивида (восстанавливая общность задним числом в экзотическом «поведении толп» и пр.)). Действие — индивидуально, сознательно, воплощено движением тела; «место» в подобной именно трактовке преобразуется в параметрическое пространство его фиксации; прежние реалии («общественное сознание»), сохраняя посмертное бытие в (марксистской в частности) идеологиях, блекнут, становятся эвфемизмом и утрачивают «реализм». Вместе с ними выцветает и утрачивает свою реальность «общественное бытие»; оно, с одной стороны, несомненно в силу безусловности представительств (массы, государства, институты, нации и пр.), с другой, отдаляется от (эфемерного) общества, поскольку в условиях представительств (институтов) бюрократизируется и перерождается (вырождается), утрачивая «смысл» (что с определенной точки зрения обращает к юридическому основанию: вменению индивиду его *персональной ответственности de lege ferenda*; не имея возможности остановиться на этом подробнее, все же заметим: «смерть реальной общности» знаменует значимый метаморфоз реальности; с этого момента они ведут самостоятельные существования, и именно подобная изоляция «реальности» от происходящего (объективность, хронология) характеризует ее как «современную»).

Это добавляет к «реальности» новые черты: монизм тел, помещенных в континуум тотальной связанности/каузальности; все прежние идеалы и ценности существуют в меру их сводимости к конфигурациям тел и их отношениям (то же относительно «внутреннего»: его прежние реалии (откровение, отпущение, воздаяние и пр.) декодированы в «механизмы» (à la психоанализ) и техники-технологии). Но, далее, эти сырые («естественные») различия, в их синтетической данности слабо-дифференцируемые, буквально обретают новое пространство выражения, в котором их прежняя монолитная данность прошивается множеством типов и модификаций (как, например, прежний «нрав» (норов) в свете современной психологии с ее десятками различно-различающих классификаций (пространства) психического).

В этой неразрешимой двойственности (или шизофрении, см. [\[26\]](#)) заключен тайный код современности (обычно подаваемый под соусом извечной борьбы материализма и идеализма (рационализма, позитивизма и пр.)): тотально-обуславливающая ее реальность материальна и дана «в ощущениях»; материальны же ее основополагающие ценности; та же реальность во всех своих чувственных проявлениях вторична,

ничтожна, представлена эрзац-копиями, и в наиболее-существенном обусловлена (практикой ориентированными) идеями-со-зданий; но и материальные богатства иллюстративны, лишь «выражают» подлинное — цифровые коды банковских счетов (за фасадом всякой реальности скрыт бизнес в его вещности (оправдании) и организационной подложке (соответствующей мандату общественного бытия в редакции общественного администрирования/обеспеченного спроса); *подлинно-реальна* лишь *sacer res privatae*).

За этим фасадом происходят весьма любопытные процессы, все еще слабо осознанные: преобразования последних нескольких столетий действительно прошли по человеку и его привычным ценностям (духовным, семейным, национальным, иным) паровым катком; но все же этот «человек», угодивший под колесницы Джаггернаута исторического процесса, ничем не реалистичнее благородного дикаря Руссо. Это существо, носящее явственные следы его создавшей «естественной выделки»; к ее благам следует отнести саму «человечность», в которой угадывается первенство «человеческой природы» в отношении существа-делаемого (в этой работе представленного как непосредственное водительство-духом и превалирование игрового начала). Но не будем забывать оборотных сторон архаичного гуманизма: кровавой подоплеку патриотизма, мистического сумрака человеческих жертвоприношений, их пафоса в игре-пляске-смерти, тоталитарного задника «тотемного родства», и ювенальной природы игрового начала, подавляющего предметную логику и пр. (итак: рабство, насилие, смерть — основные слагаемые формулы «исторической человечности»; речь, разумеется, не о некой тотальной апологии буржуазного духа, но только о реализме и взвешенности оценок; все же формулой капитала является дело, оживляемое азартом и усмиренное расчетом, как, впрочем цинизм — его изнанка и «подлинность»).

Эпоха модерна, разрушая местную спецификацию человеческой природы, ставит над нею глобальную логику предмета-действия в его институциональной выраженности, принеся в жертву глобализации «человека» и «свободную игру его естественных сил»; не поняв этот метаморфоз, невозможно подступиться к пониманию реальности-пространства-времени.

Разумеется, критическая часть такой работы отчасти выполнена (отсылаем к Лефевру и в его трудах приведенной библиографии; добавим труд Филлипенко ([\[27\]](#)), заключающий обзор предыстории вопроса (социологии-пространства)). Иными словами, то, что могли дать современные априори (половинчатого утверждения реальности человеческих отношений, вписываемых в метафизическую реальность независимо от человека существующего мира), уже применено и использовано. Дело за малым — полным пересмотром «реальности» как целиком производной от человеческих отношений, разумеется, вкупе с условиями/приемами ее гомеостаза, пространством и временем.

Вдобавок следованию этой подсказке препятствует иная сторона упомянутой инерции, отмеченная тяжелым давлением классики: «дрожания» возникают как болезненные реакции на фундаментализм реальности, преодолевая ее позитивизм при помощи более изощренных образов; речь, однако, о фундаментальном ее переосмыслении, понимании истоков, смыслов и назначения — изначально с «геометриями» связанных гомеопатическими дозами («храм», как и его предшественники (святилище, «капище») возникает без оглядки на «мерность» и с нею сближается спустя тысячелетия; то же относительно «поселения» как модели-мира; но в них необходимо утвердить прежде всего субстанцию-общности (пространство), полагающую их «жилищами» («живящими» небо-жителя); храм заключает тайну (алтаря), вне онтологии жертвоприношения

недоступную; но и поселение сохраняет таинство (замирения), тлеющего Пóлeмoс, обыгрываемого как «жизненное пространство», затаенного празднества-карнавала с в нем заключенным раскрытием потаенного-сдерживаемого: оргии-со-бытия-на-рода; все это запечатлено в реальности и ее порождает (живит); все это «пере-открыто» антропологией, но по преимуществу в качестве экзотической добавки к непоколебимой заданности, опираемой на «практику, воспроизводство, заботу» — реальность индивидуального со-действия). Пока и поскольку пространство (время) рассматривается в качестве вне-исторических «реалий», предшествующих появлению человека, детальный анализ поселения-жилища-храма (не тем или иным образом «организующих пространство», но представляющих определенный его тип — в типологии родового бытия) невозможен.

Скажем несколько слов по поводу генезиса отношения игры и реальности в достаточно узких рамках вытеснения игры реальностью (с осени средневековья) и ответного удара игры (в эпоху постмодерна); это — всего лишь попытка наметить новый абрис реальности в схеме редуцированной игры (памятуя о том, что не только реальность вытесняет игру (социальные отношения, производство, распределение), но и игра теснит реальность (авантюрный дух за спиной капиталистического расчета; торговая экспансия по образцу East India Company); в новой игре присутствует явственно-осязаемая масштабность, предшествующая глобализации и в колониальной экспансии утверждающая новые права (правила), фигуры и отношения.

Реальность выступает пределом и общей оболочкой игры (разнообразия-игр); прежде всего, она их со-вмещает, фиксируя на границе игры и иного, возрождая и привнося в игру мертвенность повтора и принуждения, разложивших живое действие на компоненты, раз за разом воспроизводимые, в последовательности представляющие нечто-реальное (схематизм-действия), подменяющие и представляющие его-само. Реальность — игра на пределе игры и ее-иного (механизма/повтора/процесса), привносящего в прежнюю игру новый универсализм тотального (воспроизводства и пр.); игра включает нечеловеческое в действия людей, их чудесно оживляя; реальность подчинит взаимодействия предмету, орудию, работе машин и логике механизмов (внешним образом подчиняя ей и тела, и «рациональное мышление», см. [\[28\]](#)). Негомологичная в описании многообразия-игр, игра, распадаясь на представительства в том числе во фрагментах/фигурах, условна, многолика, как сама жизнь; последняя впрочем как игра (костюмы и маски, анонимность и представительность, роль и импровизация), идет от дикой красоты хоровода; реальность ограничивает и фиксирует, вместе с тем унифицируя и обедняя; в конечном счете, реальность выступает путем, которым хаотическая субстанция человечности, сплавляемая в единство в преддверии ужаса исключительно в тигле кровавой жертвенности, преображается в равнодушно-универсальное или стихийно-унифицированное тело, вобравшее в себя, в свою мимику, жестикуляцию, смех и страдание, крик и мелодику спектакля-общества (реальность предельно унифицирует и универсализирует тело, отрывая его как орган общности от общественного тела и наделяя все более автономными функциями и именно это сочетание труднее всего дается пониманию).

Реальность работает с телом на протяжении тысячелетий; основополагающий итог ее напряженной деятельности настолько близок к нам, что невидим; однако естественностью первого бытия выступает пунктуальность пространства и времени; «человека» представляет преимущественно дух (бог), водительствующий им в данное время и в данном месте (также как он «становится человеком» здесь и сейчас, вдруг (в кругу-друзей, сообщая), в специфике экстерьера (интерьера), образа-маски, костюма-

роли и пр.).

Потребовались тысячелетия для того, чтобы приковать человека к психосоматической подложке, связать их намертво биографией, вменить ответственность за все, когда-либо им (телом) совершенное, сказанное, написанное, с чем поместить в единый поток времени и не менее общую пространственность — эти мелкие, но необходимые подвижки и подготовили торжество привычной *естественной* реальности (наряду с тысячью других: записью в книге рождения, пропиской, иными административными актами, создавшими биографию; все это - вехи автономизации, отрыва «тела» от общности (духа) и духа (общности), которые некогда пространство-время непосредственно воплощали).

Игра перестает быть-игрой и становится-реальностью «усилием веры»; игра, в которую погружаются время от времени, отлична от игры-реальности, охватывающей/захватывающей «раз и навсегда» (как-время). Совпадение-со-своим-телом служит гарантом **заклучения** во время и пространство (то, что Кант воспринимает в свете теоретическом, отделяя вещь *an sich* от феномена, поглощаемого каузальным, государство по мере разумения реализует на практике, преображая человека в феномен тела-индивида (физического-физиологического-психофизиологического) в биополитике, М. Фуко [\[29\]](#)).

Но переход игры в реальность (сепарация игры из состава-реальности) происходит не-вдруг. Прежде всего, игра маркирована соблюдением правил; право их нарушения (значащее разрушение-игры) размечает грань игры-и-реальности смертью: нарушение правила означает выход из игры в иное (иную-игру); нарушение правила-закона отмечено карой (чрезвычайно жестокой и в большинстве случаев смертельной).

Из игры есть выход; из реальности — нет; игра существует наряду с другими играми и в переходах от игры к игре; реальность — тотальная игра, вместившая и поглотившая мир (*и н о й* реальности «попросту не существует»; она *требует* отречения от всех возможностей уклонения и в конечном счете их не допускает: по ту сторону реальности «ничего нет»; из нее нет выхода, помимо реальности *нет ничего*; с реальностью разлучает лишь смерть, но и она проходит описанную редакцию «реалистичности»: нищеты, тлена, покинутости).

Значимым дериватом реального становится граница; делимитация ее выступила шагом утверждения реализма; власть заключает в пределы реальности все-существующее, обретая с тем «полноту» — *осваивая реальность, власть ее созидает* («Товар (мировой рынок) займет пространство целиком. Меновая стоимость установит закон стоимости на всей планете. Разве мировая история не является в каком-то смысле историей товара? ... То же самое (?) относится и к пространству» [\[30, с. 218\]](#)). Мы постарались показать, что деструкция вещей в их редукции к товарной форме и далее стоимости выступает подоплекой универсализации, в конечном счете явленной глобализацией; вопреки уничтожающей критике Маркса капитал, пекущийся исключительно о прибыли, с первого до последнего шагов заинтересован как в жизнеспособности, так и в платежеспособности им вовлекаемых в процесс оборота; да, он не раскрывает глубины духа; но именно в силу того он *объединяет* индивидуумов, не разделяя людей в смертельной схватке за единственную-истину и монополию-бытия (освобождая от ненужного хлама духовности; но это неизбежная плата, которую «третье сословие» получает за «всеобщий мир» — разумеется, его по привычке надувая; и все-таки его лозунгом служит прагматизм и компромисс (ради не-общего блага), но все же не аристократические «победа или смерть»).

Обосновывая веру-реальностью, следует предварительно означить дополнительное и весьма существенное усилие, приносящее в очерченный конгломерат-игр (отсутствующее в его пределах, незримое) «единое» (скрепляющее условное/разъятые наиболее-достоверным); в игре-бытия власть изначально реализуется как воля-к-воплощению (реализации); «игра» не исходит из реальности, осуществляясь и фиксируясь в диктате формы; напротив, реальность исходит из игры, преображенной верой и осиянной преображенной сакральностью, образом и подобием, явленным и канонизированным в «существующем» (претворяющим вплоть до Гегеля «подлинную реальность» (потустороннего, горнего, трансцендентного) Абсолютной идеи). Разумеется, «реальность» никуда не уходила с исторической сцены (поскольку ранее упомянутая экзальтация никогда не определяла тотальность жизни); она лишь выплеснулась из сумрачных подвалов и затопила жизненное пространство.

Реальность изначально воплощает функцию сплочения-единства -общности вне и по ту сторону сверх-напряжения игры-смерти, игра же — *многообразие* ее занимающих действий (разнообразие предметных практик). Реальность принуждает к однообразию, унификации и дисциплине, адаптируя игровые дифференциации к предметной специфике. В переходе от тела-фигуры к телу-машине, от игры к технологии, от бытия-к-смерти — к имущественному-накоплению, необходимо утвердить основные вехи интересующего нас процесса (памятуя, разумеется, о сопровождающих трансформациях: времени в линейное «время часов», *τέμενος* — в универсальное, лишенное качеств геометрическое «пространство» и пр., см. «Храм и рынок» [\[31\]](#)).

Пространство и время служат, соответственно, пределами игровых прообразов, иным в их отношении и их отрицанием: (реальные) пространство-время отрицают игровые и им во многом противоположны; игровое пространство (всегда) ограничено, полярно, равно ячеисто и структурировано, реальное пространство безгранично, изоморфно, равномерно и напроочь лишено качественного насыщения (своеобразия). Если игровое время циклично и в каждой игре (партии) обусловлено ее содержанием, отделяя начало и завершение, реальное время одно-направлено, анизотропно и бесконечно. Пространство-время бес-качественно, вмещая все-возможные качества (связи конфигураций и трансформаций телесных универсалий); но в них помещаются реалистичные модели местности (карты, кроки) и проекты (планы), вещи и технологии, искусства и науки, люди и нелюди — в них унифицируются качества, обретая во внешнем новую (пространственную) выраженность.

Тайна пространства и пространство тайны (заключение)

Каждый раз именно пространство, время и протяженность

уже находятся в мире, — а не наоборот.

Игра интериоризует не только игроков, пользующихся фигурами,

но и стол для игры и материал, из которого он изготовлен.

Делез. Складка

«Каждый раз — уже «находятся в мире»» (из эпиграфа); но как трактовать подобный априоризм? В метафизике он объясняется «природным устройством» — предшествующим человеку. Но иная интерпретация не устраняет значения этого тупика; онтогенез и филогенез неизменно перед каждым ставят (исторически-определенные) пространство, протяженность, время, каковые и наделяют его (той или иной) человечностью (духом

игры и игрой духа — в его реальном обращении (к другому/Другому) как обращении-к-реальности).

Подобно тому, как "homo sapiens" предстает извечной печатью человека, обоснование обретшей в его свойствах, утвердившихся на протяжении последних столетий, реальность и ее параметрические проводки — пространство-время — рассматриваются как извечное же ее сопровождение; именно в такой связи вопрос о природе человека (реальности, коллизии и вариации) затемнен; «поселение» предстает «средой обитания», прежде всего обоснованной «приспособлением» (к внешним условиям) и заключенной в кружево «помещений». Вопрос о том, как поселение создает их, как постоянно, изо дня в день, его недра извергают из себя реальность и время, не возникает вовсе — поскольку эти священные коровы современности укрыты в цитадели метафизики и отделены от жизни, политики и социальной организации (обусловленных реальным или гипотетическим внешним давлением, или иной властью — как властью-иного (война и мир сменяют друг друга, власть ведет непрестанное сражение: *Si vis pacem, para bellum*)). В лучшем случае «аграрное производство» генерирует циклическое время, города по мере утверждения формируют «осевое» (время и пространство социальные только-только появились на свет; политические (тем более архитектурные) еще ждут своего часа). Априори современной континуальной трактовки не позволяют подступиться к форме пространственно-временной организации поселения, поскольку таковое исходно понимается как погруженное в пространство (пустоту-местность-ландшафт-окружение) и время (в смену дня и ночи, времен года, многообразие интервалов и циклов жизненных практик). Однако поселение не может поместиться в существующую пространность или временность в силу того, что таковых вне его не существует; поселения — «машины, творящие пространство и время», поддерживающие их существование (удерживающие при их помощи существование собственное) и его непрестанно «генерирующие» (как в форме реальности, так и в формате ее незыблемости, независимости от человеческой воли; см. «Машина, творящая богов» [\[32\]](#)). «Поселение» исторически утверждается в дифференциации на два различных — и в данном месте соприкасающихся со-стояния (их сближение растянуто на тысячелетия; на заре истории святилище (алтарь, священная роща и пр.) отделено от проживания-жилища общей несовместимостью генерируемых ими состояний (но не следует считать связь пространства с жертвенным алтарем утраченной во веки веков; в частности, все памятники индуистской традиции «вне зависимости от конфессиональной ориентации (шиваитские, вишнуитские, кришнаитские), описывают один и тот же тип жертвоприношения, давая вариации единой ритуальной схемы...» [\[33, с. 50\]](#)).

Жилище (от слова «жить», как дом (*domus*) — место проживания семьи) следует все же соотнести с изначальным смыслом (этимологией), отделив от места, населяемого телами; но «жизнь» человека не сводится к функционированию-тел, и в гуманитарном измерении есть прежде всего пространство-жизни, та «напряженность поля», что размечает и поддерживает ее (жизни) игру. Очевидно, сравнение дома с раковиной отчасти набило оскомину, и все же есть смысл упомянуть о нем, придав этой оболочке более адекватный смысл одеяния (маски), воплощающего человечность и придающего ее фигуре, ею драпируемой; вообще же маска некогда буквально вводила в ритуальную игру, придавала-роль: «для божественного существуют два подлинных способа овладеть человеком, подвергнув его метаморфозе: через маску, которая преображает его извне, для других, прежде чем преобразить его для самого себя, заставляя его играть божественного или демонического персонажа; а также через одержимость, которая преображает его изнутри и воздействует на его поведение» ([\[34, с. 310\]](#)).

Различия состояний обуславливают исходную дифференциацию, которая и формирует первичную $\square\rho\chi\eta$ -текстуру; их смена формирует *архетип хода-времени в рубежах-перехода*. Существование-на-границе и выступает прообразом «циклического времени»; следует понять, что чередование-состояний не подразумевает существование-времени; напротив, переход-чередование задает матрицу-временности в подлинности деконструкции/деконструкции не-подлинного, копирующих $\Pi\acute{o}\lambda\epsilon\rho\varsigma$ не только в темпоральной, но территориальной разбивке-дифференциации, в у-строении кварталов, организующих социальное на-строение, алтарей, домов, храмов и пр. (чередование, утраченное не полностью, но отделенное позднее от (универсального) «времени» и характеризуемое временем «историческим», с его «эпохами», разделенными войнами и различного рода революциями; относительно связи сакральной и социальной структур: «Закладывая четыре важнейшие колонны будущего театра (театра-храма), ориентированные по промежуточным странам света, строители ассоциировали их... с древнеиндийскими варнами — брахманов, кшатриев, вайшьев и шудр (также планировка «идеального города» связана со строгой фиксацией секторов с варнами, Д.С.)». [\[5, с. 111\]](#)

В этом взаимопроникновении «всего во все» угадывается основополагающий принцип архаического пространства-мира (холизм), к которому мы еще вернемся; в этом случае более актуальным представляется архетипическая связь сакральной и социальной структуры храма -поселения, необходимая в свете сохранения экзогенного жизненного кода.

Одной из первых задач теоретической реконструкции представляется в такой связи не столько поиск всеобщего-принципа ($\square\rho\chi\eta$), сколько детальная феноменология архаических разрывов и связываний; $\square\rho\chi\eta$ -текстура — единство не от мира сего, в подлунном мире сразу же заявляющее о себе фрактальными брызгами воплощений, в жизненной сфере различно-разрозненными, предполагающими чрезвычайные усилия связывания (и таковое не обладает изначальным монизмом, заключая диалектику удержания-в-связи и поддержку-тления, или напряженности- $\square\psi\acute{o}\nu$; различия должны быть *примирены*, но не стерты).

Предварительное всматривание полагает «мирность» на грань игры; прежде всего это ее-иное, специфическая форма, удерживаемая в интервале «вечных возвращений» в качестве обыденного-разыгрывания и сниженного-азарта (паллиативная «игра жизни-смерти» видимо ознаменована сближением мужского и женского дома в общем пространстве на-рода (формы отношения родов, мужского и женского, как общей формы человеческого отношения, на уже упомянутом фоне обмена-женами и, далее, дарами: [\[35, 36\]](#)), как впервые обустроенном в форме родового пространства ($\Pi\acute{o}\lambda\epsilon\rho\varsigma$) общего (семейного) пространства жизни (смерти); в большой семье-роде (экзогамной общности) «снята» история разделения мужчин и женщин («длинных домов» одного рода) и их воссоединения (конфигурации меж-родовых союзов), отрицающего природное-родство; амбивалентность «человеческого рода», имманентная его «полемичность» также остались за чертой антропологической расшифровки — вместе с нею остался непонятым «дом» как место изначального (при-родного, инородного, но и родного) $\Pi\acute{o}\lambda\epsilon\rho\varsigma$, паллиатива открытого столкновения (заложники, дары-смерти, жены-заложники, связь представителей различного рода (тотемного-природного) как представление (единого) человеческого рода — игра подмены, пародирующая куртуазное столкновение; параллелизм дает о себе знать в ряде специфических ритуалов ([\[37, с. 112; 38\]](#))).

Поселение — примиренное пространство, воспроизводящее $\Pi\acute{o}\lambda\epsilon\rho\varsigma$ (мир и мир в связи и

необходимом-различии).

Оно фрагментировано типами и родами полемики, каковые, представляя предтечи уже упомянутых фракталов, вмещают различия родов со-бытия (храм, площадь, жилище), вместе с тем не-умозрительно, но совершенно практически добиваясь их-замирения (не в угасании-напряженности, но в ее канализации в направлении инициации-спонтанности, «божьего (или демонического) присутствия-соучастия»).

Попытками связывания «всего» в наглядности выражения-(архитектурного) устройства буквально пронизана древняя история, насыщенная длящимися тысячелетия усилиями все во всем гармонизировать, объединить, со-вместить и представить-в-совместимости (не следует забывать об обоснованности □ρχή-текстуры подобной эстетики формами-жертвоприношения ([\[39, с. 72\]](#)), равно о гармоническом принципе, объединяющем направления, интервалы, как и цвета, и очертания в единой божественной игре бытия [\[40\]](#)).

На протяжении тысячелетий единство мира — не умозрительный принцип, но вполне практическая задача — непрестанного придания человеку человеческого облика, а общности — ей присущего духа, поскольку таковой должен непрестанно воссоздаваться в кружевах опьяняющей-окаменевшей музыки бытия («Она была рождена для сообщества, хотя в силу своей хрупкости, недосыгаемости и великолепия чувствовала: особость того, что не может быть общим, как раз и составляет суть этого сообщества, вечно преходящего и с каждым мигом распадающегося» [\[41, с. 74-75\]](#)).

«...даже китайские буддийские авторы, излагая учение о пяти буддийских обетах для мирян (не убивать, не воровать, не прелюбодействовать, не пить пьянящих напитков, не лгать) иногда ставили их в связь с исконно китайской пятичленной классификацией (пять элементов, пять цветов, пять гор и т. д.) (см. [\[42, с. 188-267\]](#)).

Архаичный холизм охватывает не только связь сакральных и социальных паттернов; в поле его внимание пребывает связь между таковыми и природным ландшафтом; наиболее же общим его принципом выступает наследуемый у игры дуализм, утверждающий в основании мирового устройства полюса, извечную их противоположность (против/их/ложности). «...для древнейшего мировоззрения китайцев можно констатировать дуалистическое восприятие пространства. Оно, помимо пространственного противопоставления *ян* и *инь*, проявилось и в характеристиках Востока и Запада; каждый из них имел свое отражение в иконографических и идеологических символах, таких как перво-предок и Владыка Востока Фуси и Владычица Запада Нюйва, их атрибуты угольник и циркуль, их символы Солнце и Луна, их сущности *ян* и *инь* ...». [\[5, с. 60-61\]](#) Подобная «универсалия» характерна для значительного числа культур. И, как мы помним, игровое пространство характеризуют не только значимые стороны и «клетки», но и верные пере-движения (ходы). Они обретают в рассматриваемой ориентации значимость закона: «Движение по кругу слева направо, т. е. по ходу солнца, оставалось, как и во многих других древних культурах Евразии (ср. «прадикшину» в Индии, «dextratio» в Риме, движение «посолонь» у славян), священным направлением различных обрядов. Главным таким обрядом был символический объезд императором Китая своих владений. ... Двигаясь таким образом «вслед за солнцем» и по календарным сезонам, китайский правитель как бы интегрировал время и пространство под своей властью, освящал территорию своего царства и календарный (т. е. упорядоченный) ход времени...». [\[5, с. 63\]](#) «Интегрируя» время и пространство, император не исходит из них, но в игре-обхода создает и воссоздает; созидается здесь

прежде всего гармония, «извечная связь», по отношению к которой обход исполнял роль ритуала оживления-одухотворения, в которых немаловажную роль играет и «сшивание» сфер, областей, правил (акцентируем в уже звучащем значимое для дальнейшего: имперский ритуал и пространство его проведения не оставляют попыток наглядного представления всех уровней и узлов мира в наглядности их гармонизирующей связи).

Относительно многообразных уровней, осей и порядков мира, изначально сакральных, и в своих горизонтальных проекциях чрезвычайно постепенно обретающих прагматическое ориентирующее значение, немало написано (см. [\[43, 44\]](#)).

«Мир» весь пред-размечен «правильными» сакральными осями и направлениями. Все это общеизвестно (но оси, направления — не единственная прерогатива у-строителей храма-театра например, в древней Индии: «Многодневный обряд освящения построенного театра напоминает (или воспроизводит) ритуал освящения храма. Одно из действий предполагало рисование на полу сцены мандалу. Она должна была быть ориентирована строго по странам света, содержать по периметру четверо дверей (тоже по странам света) и состоять из девяти квадратов, которые следовало населить богами. В центре мандалы размещался «Брахма, сидящий на лотосе», затем заполнялись оставшиеся восемь секторов». [\[5, с. 110\]](#)).

Нет смысла слишком далеко заходить в насквозь-символический (магический) мир; в нем весьма странным кажется некое чудное сочетание извечного-трансцендентного, мощи и силы в ее незримости и вместе с тем беспредельности, и трогательной заботы о ее «введении в чертоги дольного мира»; многократные попытки трактовать сей вопрос прагматически, его истоки утверждающие в обмене дарами-услугами, в общем, не слишком удовлетворительны и не объясняют всей красочной зрелищности игровой обрядности, утверждающей «мир» не в «обретении силы в обмен на принесенную жертву», и даже не в детальном исполнении всех ходов предписанного, но в вовлечении-в-игру, затягивающую высшие и низшие иерархии.

Очевидно, это обстоятельство очерчивает первый рубеж-перехода: архаичные время-пространство в их мозаичности якорятся несколькими типами $\square\rho\chi\eta$, в своем пересечении и формирующих первичную $\square\rho\chi\eta$ -текстуру; это безвременье и над-пространность храма (если не пробегать априори весь путь генезиса, это архетип общественного у-строения, исходно в себя вместивший храм, дворец, театр, зал собрания); это жилище — среда взаимоотношения двух существ мужского и женского рода как рода человеческого (отношения); это, наконец, поселение, со-вмещающая эти рода-бытия и придающее им (жизненное) единство (каковое в своем существе не сводится ни к первому, ни ко второму роду, но включает все «прочее», в котором, как в питательном бульоне, вызревают семена будущего, все то, что не помещено в створ «чистого принципа» и как мутный остаток (тюрьмы, склады, отхожие места, помойки, гостиницы, торговые ряды в их первом предъявлении) «ищет себе место под солнцем», хотя бы в силу того, что создает вокруг поселения будущий «культурный слой», «требующий» в каком-то смысле «организации» (открытость $\tau\epsilon\mu\nu\omicron\varsigma$ как высшая аттестация безопасности (в ее мужественности) подменяется укрытостью (укрытием как женским принципом; изрядно в такой связи мистифицированный вопрос о Mundus и его корреляторах (пещера и пр.) в такой связи весьма существенен, но далек от разрешения; явственно, во всяком случае, наличие некой диалектики сакрального — как укрываемой тайны и публичного действия, наследуемых структурой древнегреческого храма, разделенного на портик ($\pi\rho\nu\nu\alpha\omicron\varsigma$), жертвенник ($\nu\alpha\omicron\varsigma$) и опистодом ($\omicron\pi\iota\sigma\theta\omicron\delta\omicron\rho\omicron\varsigma$), тайное обиталище божества).

Упомянутое вновь и вновь возвращает к гомогенности архитектурного пространства, и именно непрерывные ритуальные и архитектурные усилия ее поддержки и сохранности дают весьма отчетливые указания на многообразные швы (складки), по которым архаическое ир- реальное грозило расползанием. Непрерывной и неослабевающей поддержки требовали швы между землей и небом, рабом и господином, мужчиной и женщиной — но расползанию еще можно было — и следовало — противостоять, выдвигая против него средства магические в их концентрации (заклинании, мандале и пр.) и монументальности камня. «В планировании городов, дворцов и домов применялись та же мандала, что и при строительстве храмов... Особенно это видно в храмовых городах, которые строились четырехугольными, с храмом в центре и несколькими расширяющимися квадратными дворами, центр которых находится в том же храме (описание идеального индийского города, Д.С.). [\[5, с. 115\]](#)

Во все более и более нарастающей пестроте и качественной разнице сохраняются места и способы «сшивания»; именно они воплощают «мир», именно он воплощается в у-строении архитектуры храма-дворца-площади-кварталов-города.

Разумеется, здесь отсутствует возможность воспроизведения не истории даже, но ее логической выжимки в сколько-то связном виде. В заключении этого чрезвычайно краткого экскурса в историю реального пространства отметим, что таковое в тотальном символизме (в генеральной, по крайней мере, интенции) никогда не претендовало на исчерпывающее или тотальное представительство; история храма представляет параллельную историю *υπό* и с ним соседствующего *οπισθόδομος*; первый разрывал дистанцию горнего и дольного, впуская божественное в мир; второй хранил тайну их несовместимости, абсолютную внеположность неба в неприятии-земли; архитектурное пространство всегда открывало небеса и утаивало к ним-пути (расшивая швы реальности и сохраняя онтологию полярности): «Скалли показал, что развитие греческой архитектуры шло по пути абстрагирования лабиринтных структур, исчезновения видимого лабиринта и сохранения лишь потенциального». [\[45, с. 10\]](#)

Запретное и тайное в онтологической укорененности накладывается далее на различие и сочетание социальной ткани, швы и складки посястороннего и, в конечном счете, грани-границы-стены, составляющие основу «жизни-строительства»: «Возможно, главной опорой социального пространства является *запретное*: умолчание в коммуникациях между членами общества, разрыв между ними, телесный и духовный, затрудненность обмена, разъединение их самых непосредственных связей (связей ребенка с матерью) и самой их телесности — с последующим (всегда неполноценным) восстановлением этих связей в некоей «среде», серии локусов...» [\[30, с. 49\]](#).

Вряд ли столь поверхностный осмотр запретного (гетерогенного М. Фуко) способен вместить подлинную проблематику реального пространства во всей невероятной сложности решаемых им задач. Приписываемые ему мистические функции поглощают и затемняют его реальный символизм и сакральный реализм — неизменные его и глубинные сущности. Этот двойной параллелизм — тайны пространства и пространства тайны — далеко еще не понят и даже предварительно не обрисован.

Мы в рамках заключительного раздела попытались в какой-то мере заполнить данный пробел, но, к сожалению, в основном ограничились демонстрацией тесной связи реального и игрового пространства в основаниях/истоках архитектуры; исчерпывающая характеристика реального пространства еще ждет своего часа.

В заключении сформулируем два аспекта, оставшихся пока незатронутыми.

Прежде всего, ждет развернутой экспликации противоречие реального пространства и пространства реального, характеризующее новую реальность с осени средневековья, теперь уже с точки зрения конкретной представленности архитектурой эпох модерна и постмодерна «смерти Бога», ознаменовавшей конец истории реальной общности.

С этого момента реальное пространство отрывается от пространства реального, более не имея возможности его вмещать (представлять); генезис их отношений и обозначает канву современной архитектуры.

Кроме того, два представленных раздела целиком игнорируют вопросы эстетики и ее судьбу в рамках архитектурной теории.

Эти лакуны предполагается заполнить в третьей, заключительной, части статьи.

Библиография

1. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. Нац. Исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
2. Латур Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. 240 с. (Прагматический поворот; Вып. 1).
3. Делёз, Жиль Складка. Лейбниц и барокко. М.: издательство «Логос», 1997. 264 с.
4. Хайдеггер М. Исток художественного творения. Избранные работы разных лет. М., Академический проект. 2008. 528 с.
5. Подосинов А.В. Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М.: «Языки русской культуры», 1999 г. 720 с.
6. Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. М. Мысль. 1972-1973. Т II. 384 с.
7. Фуко М. Археология знания. К.: Ника-Центр, 1996. 208 с. (Серия "OPERA APARTA"; Вып. 1).
8. Яшин А. В. Современная эпистема и археология знания – методологические аспекты творчества М. Фуко // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сб. ст. по матер. I междунар. науч.-практ. конф. Часть I. – Новосибирск: СибАК, 2011.
9. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем, 2015. 416 с.
10. Агамбен Дж. Номо сасер. Что остается после Освенцима: архив и свидетель.-М.: Издательство «Европа», 2012. 192 с.
11. Агамбен Дж. Номо сасер. Чрезвычайное положение.-М.: Издательство «Европа», 2011. 148 с.
12. Оссовская М. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М.: Прогресс, 1987. 528 с.
13. Бродель Ф. М. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т. I : Структуры повседневности: возможное и невозможное. Прогресс. 1986. 623 с.
14. Пастуро М. Повседневная жизнь Франции и Англии во времена рыцарей Круглого стола. М. Молодая гвардия. 2001. 239 с.
15. Ру С. Повседневная жизнь Парижа в Средние века. М.: Молодая гвардия, 2008 г. 272 с. Серия: Живая история: Повседневная жизнь человечества.
16. Фромм Э. Психоанализ и религия; Искусство любить; Иметь или быть? Киев: Ника-Центр, 1998. 400 с. (Серия "ПОЗНАНИЕ"; Вып. 7).

17. Марсель Г. Быть и иметь. Новочеркасск: Сагуна, 1994. 160 с.
18. Бибихин В.В. Собственность. Философия своего. СПб.: Наука, 2012. 536 с.
19. Фуко М. История сексуальности. Т. 1. Воля к истине-по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., Касталь, 1996. 448 с.
20. Фуко М. Использование удовольствий. Т. 2. История сексуальности. СПб. Академический проект, 2004. 432 с.
21. Фуко М. История сексуальности-III: Забота о себе. Киев: Дух и литера; Грунт; М.: Рефл-бук, 1998. 288 с.
22. Хайдеггер М. «Европейский нигилизм» // Время и бытие (статьи и выступления). М.: «Республика», 1993. 448 с.
23. Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма. М.: Стройиздат, 1985. 136 с.
24. Schmitz H., Müllan R., and Slaby J., Emotions Outside the Box – The New Phenomenology of Feeling and Corporeality, Phenomenology and the Cognitive Sciences 10:2 (2011).
25. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М.: Прогресс-Традиция; Издательский дом «Территория будущего» (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»), 2007. 464 с.
26. Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения: Тысяча плато. У-Фактория, Астрель. 2010. 895 с.
27. Филиппов А. Ф. Социология пространства. СПб. Владимир Даль. 2008 г. 290 с.
28. Подорога В.А. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию (материалы лекционных курсов 1992-1994 годов). М.: Ad Marginem, 1995. 340 с.
29. Фуко Мишель. Рождение биополитики. СПб.: Наука, 2010. 448 с.
30. Лефевр А. Производство пространства. М.: Streike Press, 2015. 432 с.
31. Марков Б.В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. СПб.: Алетейя, 1999. 304 с.
32. Московичи С. Машина, творящая богов. М., «Центр психологии и психотерапии», 1998. 560 с.
33. Лидова Н. Р. Драма и ритуал в древней Индии. М., Наука. Издательская фирма "Восточная литература"1992. 149 с.
34. Henri Jeanmaire. Dionysos. Histoire du culte de Bacchus. Paris, Payot. 1951.
35. Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология. М., Наука, 1964. 328 с.
36. Семенов Ю.И. Происхождение брака и семьи. М.: Мысль, 1974. 309 с.
37. История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. Общ. Ред. Бромлей Ю. В. М., Наука, 1986.
38. Спектор Д.М. Символический обмен, смерть и загадка дара // Человек и культура. — 2016.-№ 6.-С.68-83. DOI: 10.7256/2409-8744.2016.6.18412. URL: http://e-notabene.ru/ca/article_18412.html
39. Маламуд Ш. Испечь мир: ритуал и мысль в древней Индии. М.: «Наука». Главная редакция восточной литературы, 2005. 350 с.
40. Ткаченко Г. А. Космос, музыка, ритуал: Миф и эстетика в «Люй-ши чуныдью». М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. 284 с.
41. Бланшо М. Неопишемое сообщество. М., Московский философский фонд, 1998. 78 с.
42. Торчинов Е. А. Формирование буддийских космологических представлений в Китае (буддо-даосская традиция) // Буддийский взгляд на мир. СПб., 1994. 462 с.

43. Стеблин-Каменский М.И. Миф. Ленинград: «Наука», 1976. 104 с.
44. Анисимов А.Ф. Исторические особенности первобытного мышления. Л., 1971. 137 с.
45. Ямпольский М. Демон и Лабиринт (Диаграммы, деформации, мимесис). Новое литературное обозрение. Москва, 1996. 319 с.